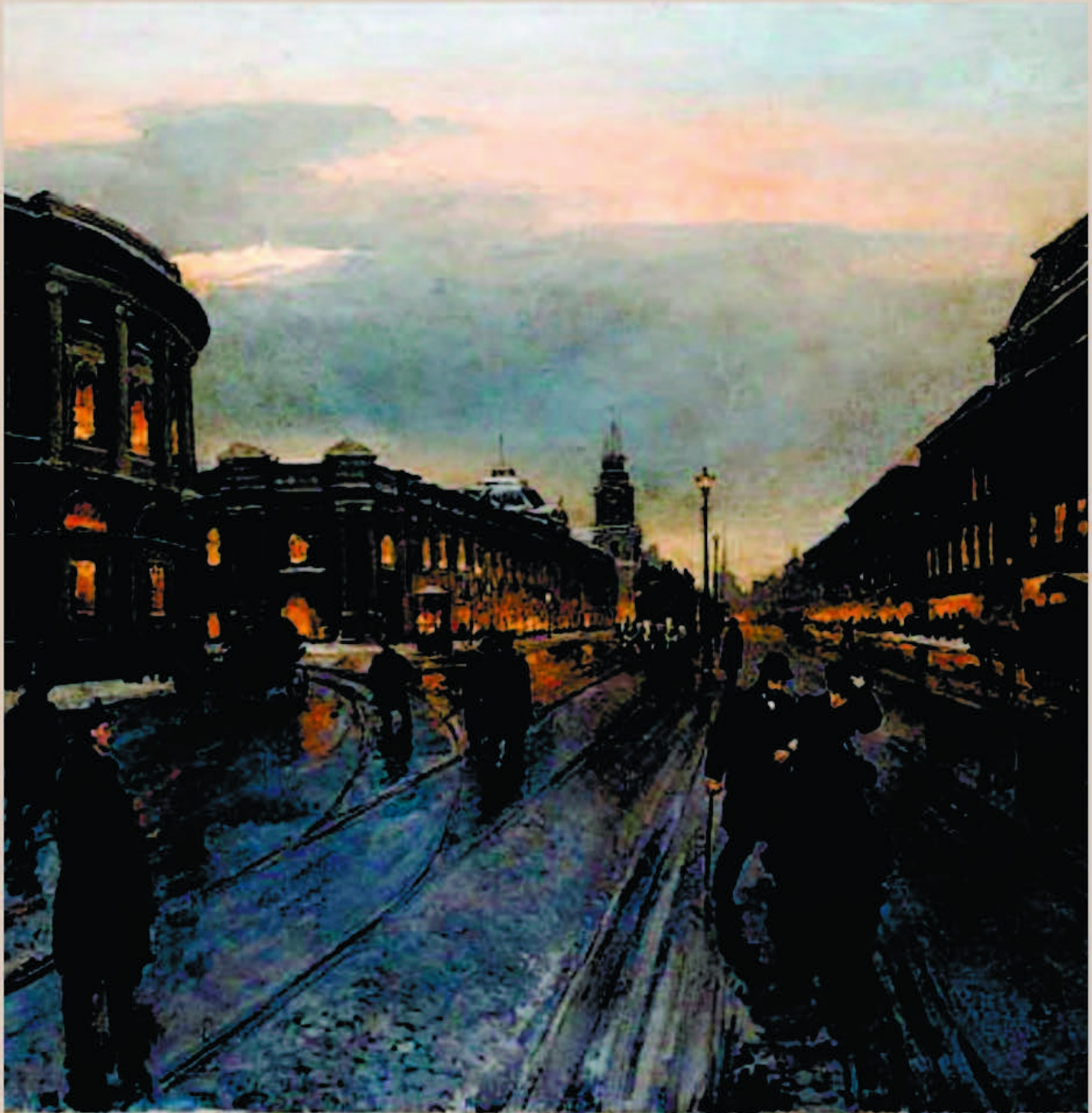

— Детективы 19 века —

Александр Шкляревский
РУССКИЙ ТИЧБОРН
СЕКРЕТНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Детективы 19 века

Александр Шкляревский

**Русский Тичборн.
Секретное следствие**

Издательство «Зерна»

1872-1875

Шкляревский А. А.

Русский Тичборн. Секретное следствие / А. А. Шкляревский —
Издательство «Зерна», 1872-1875 — (Детективы 19 века)

ISBN 978-5-907190-41-2

Александр Шкляревский – русский писатель XIX века, «отец» детективного жанра в России. Его детективы были основаны на реальных уголовных делах тогдашнего времени, в чем ему помогло знакомство со знаменитым судьей А. Ф. Кони. Поэтому они очень жизненные и захватывают внимание читателя с первых страниц. В эту книгу вошли повести «Русский Тичборн» и «Секретное следствие». В них рассказывается о загадочных преступлениях, раскрыть которые помог только случай...

ISBN 978-5-907190-41-2

© Шкляревский А. А., 1872-1875
© Издательство «Зерна», 1872-1875

Содержание

Предисловие	6
Русский Тичборн[1]	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	20
Глава пятая	27
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Шкляревский **Русский Тичборн. Секретное следствие**

© Издательство «Зерна», 2020

Предисловие

Шкляревский (Александр Андреевич, 1837–1883) – беллетрист, уроженец Полтавской губернии. Учился в 1-й харьковской гимназии, но вследствие крайней бедности родителей вынужден был выйти из 4-го класса. В 1854 г. он выдержал экзамен на звание приходского учителя и, получив место в Воронеже, прослужил там более 10 лет; состоял также преподавателем в воронежской женской прогимназии. Начал писать в «Воронежских Губернских Ведомостях»; в журнале «Воспитание» Чумакова напечатан ряд его статей педагогического содержания.

Известность «русского Габорио» Шкляревский получил в конце 1860-х годов, как автор многочисленных повестей и романов уголовного содержания. Первое произведение его в этом стиле – «Отпетый» (рассказ) был напечатан в журнале «Дело» (1866) и имел значительный успех. В этом же году, по болезни, страдая пороком сердца, Шкляревский оставил педагогическую деятельность и посвятил себя исключительно литературному труду.

В 1869 г. Шкляревский переселился в Петербург и долгое время сотрудничал в «Санкт-Петербургских Ведомостях» (редакции Корша), затем и во многих других изданиях. Необходимость быстро и спешно работать неблагоприятно отзывалась на развитии его таланта. Кроме множества рассказов, изданных под общим названием «Рассказы судебного следователя» (том 1, СПб., 1872), вышли также отдельным изданием: «Доля» (сказка-быль, СПб., 1870), «Шевельнулось теплое чувство» (повесть, СПб., 1870), «Сочинения, повести и рассказы» (М., 1871), «Повести и рассказы» (М., 1872), «Уголки трущобного мира» (СПб., 1875), «Исповедь ссыльного» (СПб., 1877, 2 издание, 1879), «Принциписты-самоубийцы» (М., 1880), «Утро после бала» и «Нераскрытое преступление» (М., 1878), «Убийство без следов» (СПб., 1878), «Современные преступники» (М., 1880), «Две преступницы» (М., 1880), «Как люди погибают» (М., 1880), «Собрание сочинений» (СПб., 1881), «Самоубийца ли она?» (СПб., 1882), роман «Новая метла» (который написан Шкляревским за несколько месяцев до смерти, СПб., 1886, издание 2-е, в пользу семейства Шкляревского; здесь же помещен биографический очерк Шкляревского).

Русский Тичборн¹ (Из уголовной хроники)

Глава первая

В Москве около Пресненской заставы и по настоящее время еще можно видеть маленький уродливый деревянный двухэтажный домик с тремя небольшими окошечками в ряд, на улицу. Я узнал его еще мальчиком, в пятидесятых годах, по случаю бывшего в нем происшествия. Но время, по-видимому, не имело никакого влияния на домик: он и тогда уже выглядел таким же ветхим, старым и хилым, как и ныне, готовым разрушиться при первой сильной буре. Некогда дом этот принадлежал какому-то цеховому, потом, в сороковых годах, он приобретен был вдовою отставного аудитора² 12 класса Христиной Кирсановной Поздняковой.

Родословную и биографию этой женщины, кажется, никто и не знал, так как Позднякова избегала всяких разговоров о своем прошлом, но личность самой Христины Кирсановны была известна чуть ли не всей Москве, по той профессии, которою она занималась. Христина Кирсановна была ростовщица, но ростовщица в некотором роде замечательная и резко выделявшаяся из числа своих собратий. Она не брезгала никакими вещами и принимала под заклад решительно все: будь то старые тряпки, бутылки или изломанные утюги; притом, сравнительно с другими, она ссужала и большею суммою денег и брала незначительные проценты; кроме того, иным, в честности которых она была уверена, Позднякова даже ссужала деньги без залога и расписки. Христина Кирсановна, кажется, просто страдала манией к приобретению вещей и едва ли не любила их гораздо более самих денег.

Наружность Поздняковой не имела ничего отталкивающего и скорее располагала в ее пользу. Несмотря на свои зрелые годы – под пятьдесят лет, – она была вполне сохранившаяся, здоровая, полная женщина, какие весьма часто встречаются в среде купечества; морщинки были чуть заметны, со щек не исчез румянец, а черные глаза не утратили некоторого блеска; только волосы стали редки и, местами, седые да на макушке головы образовалась плешь, прикрытая постоянно чепчиком с рюшками. Кумушки и знакомые Христины Кирсановны были не прочь найти ей женишка, даже «настоящего амура», так как претендентов на ее руку было множество, разных возрастов и званий, но Позднякова сердилась при малейшем намеке на новое замужество. Постоянное настроение духа Христины Кирсановны было довольно серьезное, однако она не отказывалась от приглашений своих соседок посетить их в праздник или в именинные дни; не прочь была «откушать», в умеренном количестве, настоячки и за рюмочкою спеть чувствительный романс или песню с печальным мотивом, вроде «Среди долины ровныя», «Снежки белые, пушисты» и т. п.

Вообще ее считали все за женщину хорошего поведения, общительную и с добрым сердцем. Гостей у себя Христина Кирсановна никогда не собирала, но если к ней заходила, за каким-либо делом, соседка или знакомая и заставляла ее за чаем или, в праздник, за пирожком, то Позднякова угощала их тем или другим, причем к пирожку присовокуплялась и настойка.

Расположение комнат в доме Поздняковой в обоих этажах было совершенно одинаковое. Как в нижнем этаже находились сенцы³, налево – кладовая, направо – кухня, за которою шли

---

¹ Тичборн – состоятельный англичанин Ч. Тичборн (1829–1854) исчез во время морского плавания, а в 1868 г. в Австралии объявился человек, выдававший себя за Тичборна и претендовавший на его состояние. После шумевшего во всем мире судебного процесса (в 1871 г.) самозванец, некий А. Ортон, был приговорен к длительному тюремному заключению.

² Аудитор – чиновник для военного судопроизводства.

³ Сенцы – то же, что сени, то есть холодная часть жилого дома.

еще две комнаты: одна – поменьше, а следующая – побольше, так точно и в верхнем. Надворных строений при доме не было, исключая земляного погреба, накрывавшегося сколоченными досками. Помещением для себя собственно Позднякова избрала нижний этаж; оно состояло из сеней, кладовой, кухни и первой небольшой комнаты; что же касается до второй, то туда никогда никто не входил из посетителей и она всегда была на задвижке. Комната эта загромождена была двумя огромными шкафами, сундуками, шкапулками, баульчиками и ящиками различной величины и фасонов, в которых хранились более ценные вещи, менее же ценные были помещены в верхнем этаже, постоянно запертом огромным замком, с двойными рамами в окнах и с затворенными на болты ставнями. Своих знакомых и лиц, приходивших к ней по надобности, если она не признавала их важными для себя, Христина Кирсановна обыкновенно принимала в кухне, служившей ей также и столовою. Здесь же производила с ними сделки и расчеты; если же эти лица казались ей более значительными, то она приглашала их в комнату, отличавшуюся необыкновенной чистотой, где у нее стояло нечто похожее на конторку, шкаф, комод, диван, столик, несколько стульев и в углу, за ситцевым пологом, кровать, с периною и подушками почти до потолка.

Вся прислуга Поздняковой заключалась в шестидесятилетней старухе Фекле, глухонемой от рождения, чрезвычайно злой и сварливой с посетителями, особенно если она видела в них людей бедных. Фекла была девушка и носила свои седые волосы в одну косу с лентой на конце. Она служила у Поздняковой с самой покупки ею дома и была крайне привержена к ней. Кроме этих двух женщин, в доме других жильцов не было; дом стоял от соседних домов отдельно, на горке. Это обстоятельство, в связи с глухонемой прислугой и богатством Поздняковой, известным всей Москве, невольно порождало у близких к ней опасения, чтобы ее рано или поздно не постигло какое-нибудь несчастье – попросту чтобы она не была ограблена или убита, тем более что подобные примеры в Москве бывали. Об этом предмете между соседями происходили беспрестанные толки, и многие предупреждали Позднякову, чтобы она была осторожнее; но последняя твердо верила в свои замки, в злую цепную собаку, которую она держала во дворе, и отвечала всегда пословицей: «Бог не выдаст, свинья не съест». В самом деле, несмотря на частые воровства и грабежи поблизости, на дом Поздняковой долгое время не было никаких покушений.

Вдруг, в одно летнее утро, часов в пять, когда еще все спали, соседи Поздняковой услышали на улице какой-то дикий, страшный, нечеловеческий крик и затем сильный, почти неистовый, стук в свои окна...

Проснувшись, разумеется, бросились к окнам и увидели глухонемую Феклу, бегавшую от дома к дому с пронзительными криками, точно безумную, указывавшую на горло и на свой дом. При этом она манила, кого ей случалось видеть, к себе. Все догадались наконец, что в доме Поздняковой случилось несчастье, и спешили туда. Фекла тащила всех в дом.

Сени и кухня представляли обычный порядок, в небольшой же комнате, ставня которой была раскрыта и в окно входили яркие лучи утреннего солнца, первое, что привлекло внимание прибывших, была Позднякова, лежавшая одетою на полу, прислонившись спиною к кровати, с опущенною головою. Фекла бросилась к ней с воем и указала на горло, сине-багрового цвета, с пятью отпечатлевшимися пятнами от пальцев руки. Лицо было желто, рот раскрыт, а открытые, страшные, стеклянные глаза вышли из орбит.

По всем данным можно было заключить, что Позднякова была задушена около кровати и после этого упала, причем оборвала часть ситцевого полога⁴. Следов борьбы между жертвою и убийцею никаких не было, исключая только небольшого разрыва у нее черного люстринового платья⁵, около того места, где находился карман, который найден был выдернутым

---

⁴ Полог – занавеска, закрывающая кровать.

⁵ Люстриновое платье – то есть платье из люстрина, полушерстяной или шерстяной ткани с глянцем.

наружу. На полу, близ Поздняковой, валялась еще опрокинутая, почти вся сгоревшая, сальная свеча в высоком медном шандале, а далее, у комода, лежали в куче и разбросанными разные вещи: шали, платки, столовые и чайные ложки, ценное белье, часы, коробочки, футляры и тому подобное, причем три первых ящика были выдвинуты. . . Всех их было пять. Как видно, убийца искал в них какую-то одну вещь и, нашедши ее в третьем ящике, четвертый и пятый оставил нетронутыми. Следующая комната и весь верхний этаж остались неприкосновенными.

Как водится, между посторонними зрителями при подобных происшествиях начинаются различные толки и предположения, и непременно все обращаются с вопросами к первому объявившему о происшествии лицу. То же было и на этот раз, хотя все понимали, что глухонемая Фекла едва ли может сколько-нибудь удовлетворить их любопытство. Видя, что от нее требуют объяснение, и сгорая, со своей стороны, желанием, особенно сильным у немых, рассказать, что она знала, Фекла в промежутках, когда кто-то пошел известить о происшествии полицию, мимическими знаками передала следующее: сначала она показала на окна и на задвижки болтов, потом приложила голову к ладони руки и закрыла глаза, как бы представляясь спящей, затем она указала на убитую и, копируя ее, начала отворять двери, кланяться и улыбаться; потом Фекла изменила физиономию: представила гордое лицо и провела по губам и щекам рукою, как бы приглаживая усы и бакенбарды. Вслед за этим она вновь приложила руку к щеке, сделала вид спящей, потом, пожимая плечами, стала делать отрицательные знаки и жесты головой и руками. Кончив свои отрицательные знаки, Фекла продолжала, предварительно указав на солнце в окне. Она вышла в кухню, растворила двери в комнату и, возвратясь в нее, взяла свечу, валявшуюся около Поздняковой, поставила ее близ комода, где лежали в беспорядке вещи, развела руками и бросилась к Поздняковой со свечою; далее она представила свое изумление при виде несчастья со своею госпожою и как она выскочила на улицу. Этот же рассказ, в виде показания знаками, мимически, немая передала и прибывшим чинам полиции, а потом следственному отделению, при объяснениях других свидетелей, явившихся на место происшествия по ее зову.

Из всего показания Феклы можно было лишь вывести предположение, что, вероятно, после того как она легла спать, Позднякова принимала у себя какого-то видного мужчину, который, в то время когда Фекла вторично уснула, совершил свое преступление, а также, пожалуй, что этот человек мог быть близким к покойной и между ними существовали тайные отношения, судя по тому, что преступник не воспользовался весьма ценными вещами, а взял, по-видимому, лишь то, что искал. Следовательно, это был не простой, обыкновенный вор, берущий, что попадет под руку. Притом Позднякова явно питала к нему полное доверие, впустив его – по жестам Феклы – сама в свой дом, в ночное время. На Феклу никаких подозрений не падало. Вероятнее всего казалось предположение, что убийца принадлежал к числу солидных закладчиков Поздняковой и, не имея возможности выкупить свою вещь – крайне необходимую ему по какому-нибудь важному случаю, в данное время, – решился на убийство; чужого же ему не было нужно, и этим предположением объясняется его пренебрежение к другим ценным вещам, разбросанным у комода.

Губернский прокурор, принявший деятельнейшее участие в производстве следствия, самолично пересмотрел книгу для заклада вещей, которую вела Позднякова, но не нашел в ней ничего, наводящего на следы преступления. Все вещи, находящиеся в закладе, оказались налицо; о выкупленных же была отметка рукою Поздняковой, с обозначением времени выкупа. Делали и повальный обыск о поведении убитой: не замечали ли соседи приезжавшего к ней в ночное время мужчину; не состояла ли она с кем в интимных отношениях или не было ли у нее хорошего знакомого, наружность которого была бы сходна с мимическими показаниями о нем Феклы? Но по всем этим вопросам следствие получило самые неудовлетворительные ответы. Только двое или трое из соседей отозвались неведением о поведении Поздняковой, ссылаясь на то, что «чужая душа потемки», прочие же единогласно показали, что знают Позднякову как

женщину самой безукоризненной нравственности. Ночных посетителей или посетителя они тоже у Поздняковой никогда не замечали, хотя, правда, случалось, что молодые люди из числа закладчиков, подгулявши, подъезжали к ней иногда в позднее время с намерением занять на кутеж денег. Но Позднякова не принимала их и отказывала чрез окно или со двора, не выходя на улицу; все знали, что ночью у Христины Кирсановны денег достать нельзя.

Наконец все-таки несколько подозрительных лиц были без ареста привлечены к следствию, для очных ставок с Феклою: не узнает ли она между ними ночного посетителя; но Фекла не находила его, и заподозренные были отпускаемы с миром. Следствию оставалось одно: «предать дело воле Божией и сдать в архив...»

Глава вторая

Года за три до убийства Поздняковой в Москве, на юге России, в уездном городе Б., Z-ской губернии, случилось другое происшествие, по-видимому ничего общего не имевшее с московским и показавшееся местным жителям довольно забавным.

Б. в обыкновенное время имеет вид крайне жалкий и грязный, будучи городком маленьким и ничтожным, на черноземном грунте, без мостовых и тротуаров, с населением около четырех тысяч душ; но летом, в июле, он оживляется значительной скотской ярмаркой, на которую массами стекаются помещики, преимущественно из Z-ской и смежных губерний. В 185* году, в котором произошло событие, на ярмарку в Б., в числе многих помещиков, прибыли надворный советник Григорий Дмитриевич Перецепин и племянник его, отставной полковник Митрофан Александрович Масоедов.

Первый имел в нескольких верстах от Б. хорошо устроенное имение, с обширным овцеводством, славился как хороший хозяин и слыл за хлебосола и добряка. Григорий Дмитриевич Перецепин принадлежал к помещикам старого завета: образования он не получил никакого и подписывал свою фамилию Перецепин иногда чрез букву «ѣ», а иногда чрез «е»⁶, нисколько не стесняясь; далее своих уездного и губернского городов да окрестных ярмарок он никуда из имения не выезжал, и хотя имел чин надворного советника, но, собственно говоря, никогда не служил. До чина коллежского регистратора⁷ он достигнул, прочислившись узаконенные годы в канцелярии местного предводителя дворянства⁸; после этого перешел на службу по министерству народного просвещения и в звании почетного смотрителя уездного училища⁹ (в каком училище он за все время своего служения не был), аккуратно взнося положенные в год 250 рублей, своевременно производился в чины до надворного советника. По получении же этого чина, не пожелав высшего, удалился в отставку.

В описываемое время Григорию Дмитриевичу было около шестидесяти пяти лет и он имел большое семейство. Корпусом Перецепин был тучный белокурый дородный мужчина, высокого роста. Что касается до его физиономии, то о ней чрезвычайно трудно сказать что-нибудь, потому что форма головы Григория Дмитриевича имела разительнейшее сходство с дынею, известною в Малороссии под именем «моржовки»... И это сходство было до того сильно, что зритель не мог оторваться от такой чудной игры природы и мало обращал уже внимания на остальные черты. Казалось, нос должен бы препятствовать этому сходству? Нет, напротив, он-то и увеличивал его: нос у Григория Дмитриевича был вдавлен, имел форму совершенно правильного треугольника и точь-в-точь напоминал собою вырезку на дынях и арбузах, делаемую продавцами для удостоверения в доброкачественности предлагаемых плодов. К довершению зол, все лицо его было усеяно бородавками, как пупырышками на дыне «моржовке», и такими же, как на дыне, морщинками. Глаза тоже не портили общего впечатления, закрывались очками бутылочного стекла, напоминая собою пятна на дыне.

Митрофан Александрович Масоедов весьма мало походил на дядю. Он был тоже высокий и плотный мужчина, но брюнет, лет пятидесяти двух-трех, с очень гордой физиономией; голову держал как-то особенно кверху и, имея красивые черные глаза, то шурил их, то широко раскрывал или смотрел из-под насупленных бровей, стараясь придать себе вид глубоко проницательного человека. Эти гримасы покрывали морщинами широкий и открытый лоб его, но

---

⁶ По старому правописанию фамилию следовало писать так – Перецьпин.

⁷ Коллежский регистратор – гражданский чин XII класса.

⁸ Предводитель дворянства – глава дворянского сословного самоуправления уезда или губернии.

⁹ Почетный смотритель уездного училища – номинальная, «представительная» должность по управлению учебным заведением.

щеки были гладки, жирны и от хорошего бритья лоснились. Волосы Митрофан Александрович носил по старой военной форме – чуб назад, а виски наперед, подкрашивал их и имел великолепные нафабранные усы¹⁰. Образование Масоедов получил в одном из высших учебных заведений и кончил курс блистательным образом; но по прошествии нескольких лет все знания его как-то улетучились, кроме французского языка, на котором он говорил с чистым парижским акцентом.

Впрочем, на словах Митрофан Александрович был чрезвычайно бойкий господин: мог вести речь о чем угодно; зато изложение мыслей на бумаге казалось ему чрезвычайно трудным делом. «Черт его знает! – рассказывал он в приятельском кругу. – Сам чувствуешь, что тут, в голове, много... и отличные мысли... Пожалуй, могу и рассказать, но как станешь писать – тьфу! Ничего не сделаешь!.. Скажите, пожалуйста, что этому причиной?...» При этом Масоедов пожимал плечами и разводил руками. Слушатели искренно ему сочувствовали, но причины ему не разъясняли. В общезнании Масоедов был человек неглупый, не скупой, но и не мог. Оставшиеся ему после смерти отца имения, в М-ской и Т-ской губерниях, он не разорил, крестьяне его жили довольно зажиточно, так как он довольствовался небольшим оброком и грунт земли в этих имениях был хорош. Сорока лет Митрофан Александрович выгодно женился и был счастлив в браке, имея уже четырех детей от десяти до двух лет: старшего – сына, а остальных – дочерей. Служба его шла также долгое время успешно; начал он ее с восемнадцати лет и продолжал до сорока девяти, оставив лишь потому, что не получил ожидаемого места: это оскорбило его самолюбие. Во время службы своей Масоедов никогда не был суровым и придиричивым начальником и даже обходился с солдатами, по тогдашнему времени, очень мягко и ласково.

Вообще Митрофан Александрович мог бы пользоваться совершенно заслуженно в своем кругу общим расположением и уважением, если бы он менее страдал самолюбием и самоуверенностью. Эти два качества делали его страшным деспотом и отталкивали от него часто людей, долгое время ему крайне преданных. Всякое мнение свое он считал непогрешимым, и что раз задумал сделать, то уже непременно должно было быть, хотя бы он видел в результате самые неблагоприятные для себя последствия... Масоедов не останавливался ни перед какими препятствиями и шел прямо напролом, как медведь. Зародыши самоуверенности и деспотизма, вероятно, были развиты в нем еще в детском возрасте; впоследствии же ряд удач и отсутствие серьезных преград в деле исполнения его желаний развили их до крайности.

И действительно, с годами самодурство Масоедова приняло все более и более широкие размеры, увеличивавшиеся еще тем, что в среде окружавших Масоедова нашлись, конечно, люди, которые, заметив его конек, для своих целей подражали ему и этим путем совершали весьма неблагоприятные вещи. Стоило, например, только уметь вовремя польстить Митрофану Александровичу – и он все делал; иначе – изложенная просьба, хотя бы вполне справедливая, оставалась неудовлетворенною. К счастью, подобные несправедливости Масоедов совершал сам лично очень редко, будучи от природы человеком очень доброго сердца; к тому же никто из подведомственных ему лиц не осмеливался затрагивать его самолюбия.

Григорий Дмитриевич Перецепин и мать Митрофана Александровича Масоедова, Катерина Дмитриевна, урожденная Перецепина, были родные брат и сестра; следовательно, Митрофан Александрович доводился Григорию Дмитриевичу родным племянником. Но, несмотря на такое близкое родство, они всю жизнь свою не видали друг друга и познакомились лишь за несколько дней до ярмарки в Б., на которую они приехали вместе из имения Перецепина.

Причиной этому, во-первых, было то, что отец Масоедова, женившись во время стоянки полка в Z-ской губернии, в котором он служил командиром, в непродолжительном времени, за перемещением полка на север России, выехал со своим семейством из Z-ской губернии и более

---

¹⁰ Нафабранные усы – то есть усы, покрытые специальной черной краской.

не был уже в этой местности то по служебным обстоятельствам, то за выходом в отставку, то потому, что имения его находились во внутренней полосе империи, частью же потому еще, что не особенно симпатизировал родным жены; приданое за нею он взял деньгами, а потому и дел у него к ним никаких не было. Во-вторых, сын его Митрофан Александрович, разлученный еще в детстве с родными матери, и подавно не имел с ними никаких отношений; учился в Санкт-Петербурге, там же поступил на службу и почти безвыездно провел в этом городе всю свою жизнь; он был службист и пользовался только кратковременными отпусками для посещения своих имений.

Свидание племянника с дядей произошло для обоих их неожиданно. По выходе в отставку Митрофан Александрович переселился из Петербурга в наибольшую из своих деревень, Ивановку, находившуюся в Т-ской губернии, и вскоре по прибытии туда был избран в уездные предводители дворянства. На этой должности он прослужил три года, метил в губернские предводители и никогда не думал оставить свою Ивановку. Но случилось иначе: в Х-ской губернии, соседней с Z-скою, умерла бездетной какая-то дальняя родственница его отца и оставила ему обширное имение. Для вступления во владение этим имением потребовалось личное присутствие Масоедова, и Митрофан Александрович отправился туда. Новое имение произвело на него самое приятное впечатление: он очаровался местностью, климатом, обширную степью, прилегавшею к его имению, и эта степь навела его на мысль заняться овцеводством. Масоедов решился сделаться сельским хозяином, пожертвовать на время своим будущим губернским предводительством и переселиться из Ивановки в Елисаветовку, которую он собирался окрестить новым именем Митрофано-Масоедовка. «Губернским предводителем дворянства, – рассуждал Митрофан Александрович, – я еще успею быть и в Х-ской губернии, когда устрою свою Митрофано-Масоедовку, а заняться сельским хозяйством на такой благодатной почве и местности мне предстоит теперь же для счастья моего поколения, ввиду тяжелых слухов о реформах по преобразованию быта крестьян... Кто знает, может быть, они и в самом деле отойдут на волю».

Еликонида Романовна, жена Масоедова, красивая полная женщина, необычайно апатичная ко всему и страдавшая английским сплином¹¹, на этот раз как-то оживилась и с большим воодушевлением одобрила предположение мужа. Обширные кошары¹² для нескольких тысяч голов овец, вместе с другими службами, были немедленно выстроены – оставалось только приобрести овец. Вдруг, к величайшей своей радости, он узнает от соседних помещиков, что дядя его, Перецепин, живет от нового его имения на расстоянии каких-нибудь полутора верст, известнейший хозяин и овцевод, который чрезвычайно может быть полезен ему в этом деле, и что, сверх того, в Б. в июле будет скотская ярмарка. Масоедов почти тотчас же отправился в Б., но, не застав там дядю, поехал к нему в имение и познакомился, а оттуда уже вместе с ним отправился в Б. на ярмарку.

Как человек практический, Перецепин понял, что из затеи его племянника нельзя ожидать никаких хороших успехов и что его личное вмешательство может только поселить между ними разлад, а потому, избегая этого, он под разными предлогами отклонил от себя просьбу племянника быть его руководителем на первых порах и указал вместо себя на другое лицо, тоже известное по своим сведениям в овцеводстве, которое, вместе с тем, во время ярмарки может заняться приобретением для него скота и даже за приличное жалование, быть может, согласится управлять его имением.

Указываемое лицо был отставной гусарский вахмистр Степан Максимович Пархоменко, называемый всеми Максимович. За нравственные качества этого Пархоменко Перецепин

---

¹¹ Английский сплин – ипохондрия, тоскливое настроение, происходящее большею частью от пресыщения жизнью: чаще всего склонны к этому англичане.

¹² Кошары – загоны для овец.

ручался, как за самого себя, потому что он был известен ему уже пятнадцать лет своею безупречною честностью, служил безукоризненно в его имении три года, был ему очень полезен и к тому же был человек с состоянием, пожалуй, в несколько тысяч.

О чрезвычайном – трудолюбии Пархоменко Григорий Дмитриевич распространялся несколько дней, во все время пребывания у него в доме Масоедова и во всю дорогу до Б. Он рассказал ему, как он встретил Пархоменко в первый раз, когда тот возвратился на родину в хутор Петропавловку, лежащую в семи верстах на пути из Гнилуши, имения Перецепина, в Б. От Гнилуши до Б. всего 14 верст, так что Петропавловка находится как раз посредине пути, немного в сторону от дороги. У Пархоменко, по словам Перецепина, во время прибытия на родину было всего-навсего около 100 рублей серебром, подаренных ему при увольнении в бессрочный отпуск офицерами полка в благодарность за прежние услуги. Как отставной солдат, отвыкший за свою почти двадцатилетнюю службу от сельских земледельческих работ, Пархоменко, услышав, что Перецепин нуждается в грамотных людях. для заводов, явился к нему с предложением своих услуг и был принят в качестве надсмотрщика за стрижкою шерсти; впоследствии Перецепин, видя его расторопность и усердие, прибавил ему жалованье и дал высшее назначение, так что чрез несколько месяцев Пархоменко сделался у него смотрителем завода. Деньги, принесенные из полка, он отдал на сохранение Григорию Дмитриевичу.

Прослужив три года, Пархоменко захотел обзавестись своим хозяйством в Б., рассчитался с Перецепиным, забрал у него свои деньги и переехал, сколько Григорий Дмитриевич ни убеждал его остаться послужить у него еще на большем жаловании. Изучив за службу у Перецепина ценность шерсти по качеству, Пархоменко в первую же ярмарку в Б. сумел зашибить себе копейку, занявшись покупкою шерсти с перепродажею этого товара помещикам и факторством¹³.

– Деятельность этого неутомимого человека поистине изумительна! – восклицал Григорий Дмитриевич, рассыпаясь перед Масоедовым в похвалах Пархоменко и желая зарекомендовать его. – Мне кажется, едва ли за всю свою жизнь он хотя один день просидел без дела. В праздник, чуть заря, смотришь, уж Пархоменко в Б. на базаре... То с вечера рыбы или раков наловит и продает, то понаделает для продажи детям разных дудочек, тележек. В будни или шьет, или мастерит телегу, или что-нибудь да придумает. Золотой человек! Сами посудите, чтобы нажить простому человеку-работнику, положим, хоть и в продолжение пятнадцати лет, тысячи, для этого нужно было потрудиться. Теперь у него свой каменный дом в Б., железная лавка и земля около Петропавловки.

– Но, – возразил Масоедов, – имея свое хозяйство, ваш Пархоменко, пожалуй, не согласится взяться за управление у меня заводом?

– А мы постараемся убедить его, – отвечал Перецепин. – Пархоменко очень ко мне расположен. Согласится. Притом лошади у вас свои, от вашего имения до Б. и полутора верст не будет, поэтому вы можете, от времени до времени, давать ему краткосрочные отпуска, на неделю, что ли.

– Конечно, я готов.

– Во всяком случае, – прибавил Перецепин, – вам теперь Пархоменко крайне нужен и необходим: он, во-первых, поможет вам в покупке партий овец и сделает хороший выбор, а во-вторых, если уже ему самому нельзя будет принять ваше предложение, то он сыщет вам другого хорошего управляющего за своим ручательством.

Перецепин и Масоедов прибыли в Б. уже поздно вечером, а потому отложили свидание с Пархоменко до завтрашнего дня; но так как Масоедов горел желанием поскорее видеть его, то за ним послано было еще с вечера, чтобы он завтра явился к Перецепину как можно ранее. Пархоменко не заставил себя долго ждать и часов в восемь утра был уже на месте. Масоедов

---

¹³ Фактор – торговый представитель, заведующий делами.

в это время еще спал, но Григорий Дмитриевич встал уже давно и благодушествовал один в зале за утренним чаем.

– А! Максимович! – радушно приветствовал он своего гостя. – Вот спасибо, что пришел... Подсаживайся, да давай чай пить.

Но Пархоменко на это дружеское предложение отвечал только низким поклоном и остался у порога дверей.

– Ну, хоть присядь.

Пархоменко сел там же, на кончик стула. Есть лица, года которых определить точно невозможно. Физиономия Пархоменко принадлежала к подобным лицам; ему можно было дать и тридцать пять, и сорок пять, а также поверить, если бы он сказал, что ему за пятьдесят лет; физиономия его была несколько сурова, и это выражение портило довольно правильные и красивые черты его лица.

Пархоменко был высокий сухощавый мужчина, крепкого телосложения, блондин с густыми волосами на голове, которые он стриг под гребенку, оставляя только небольшой чуб и височки, не менее густыми бакенбардами, тоже подстриженными, имевшими форму турецкого огурца, и усами, закрученными на концах кольцами. Суровое выражение придавали ему бледно-голубые глаза, недоверчиво поглядывавшие в стороны из-под густых нависших бровей, впалые щеки и желтый, пергаментный цвет кожи, присохшей к костям.

Во время визита своего к Перецепину Пархоменко был облачен в длинный летний шерстяной сюртук серого цвета, той же материи брюки и жилет, по которому вилась надетая на шею золотая цепочка от часов и болтался ключик; на указательном пальце правой руки блеснул большой и ценный перстень. Чистая белая манишка под жилетом была туго накрахмалена, но без воротничков, шею же обхватывал большой черный атласный платок с красными концами. Пархоменко казался степенным зажиточным уездным купцом или мещанином, и только стрижка волос на голове и бакенбардах да бритый подбородок придавали ему вид военного человека.

– Как же поживаешь, Максимович? – спросил его Перецепин.

– Ничего, слава Богу, вашею милостью, Григорий Дмитриевич, – отвечал почтительно Пархоменко.

– Ну, а молодая жена, детки?

– Тоже, благодарение Богу.

– И чудесно.

Перецепин налил стакан чаю и подал его Пархоменке, который, приняв его с поклоном, отправился на свое место. Перецепин стал расспрашивать его о ходе ярмарки, о ценах, о приезжих помещиках и, наконец, шутливо заметил:

– А я против твоей жены злой умысел имею.

Пархоменко засмеялся.

– Кроме шуток, – продолжал Григорий Дмитриевич, – я думаю отнять тебя у нее... У меня к тебе большая просьба, вперед говорю, – не откажи. Вот в чем дело.

И Григорий Дмитриевич стал обстоятельно рассказывать сущность своей просьбы об устройстве завода его племянника.

Тем временем, пока между Пархоменком и Перецепиным шла беседа, проснулся Масоедов, умылся, оделся и вышел в залу, к дяде, в синих кавалерийских брюках и белом кителе, позвякивая шпорами. Лицо его в этот день было особенно свежо. Кивая головою и протягивая руку для приветствия, Григорий Дмитриевич встретил полковника словами:

– Я все хлопочу по вашему делу. Это Пархоменко. Никак не убедишь ехать к вам.

– Почему же? – спросил Митрофан Александрович, здороваясь с дядею и кивая головою Пархоменко, в ответ на его низкий поклон.

Но вдруг лицо Масоедова приняло выражение величайшего изумления. Глаза и рот широко раскрылись, руки как бы окостенели. Потом, стиснув зубы и кулаки, он яростно подбежал к Пархоменко и неистово закричал:

– Ты мой беглый камердинер Ксенофонт!

В зале водворилось гробовое молчание на несколько секунд. Из передней выглянуло испуганное и оторопелое лицо лакея, желавшего узнать причину крика. Лицо Пархоменко при этой выходке полковника позеленело. Масоедов впился в него глазами, и физиономия его делалась все грознее и грознее.

– Говори! – закричал он.

– Никак нет-с, ваше высококорodie, – отвечал, вытягиваясь во фронт, Пархоменко, – я отставной вахмистр N-ского гусарского полка, Степан Максимов Пархоменко; с 1835 года находился в бессрочном отпуску, а с 1840 – в чистой отставке. Имею две нашивки за беспорочную службу и медали за взятие Парижа и турецкую...

– Врешь, я тебе говорю, мерзавец! Ты Ксенофонт!

– Слушаю-с, только никак нет-с, ваше высококорodie.

– Признавайся мне сейчас, – с угрозой требовал Масоедов, – я все прощу! Иначе ты погиб!

Пархоменко молчал.

– Слышишь?

– В чем же мне признаваться? – отвечал Пархоменко, ухмыляясь.

– А!.. Так, так?... О-о-о-о!.. Нет, нет. Ты, брат, от меня не отделаешься. Я сейчас же арестую тебя. Эй, человек! Попросить ко мне городничего¹⁴. Скажи, чтобы минуты не медлил. По очень важному делу, к полковнику Масоедову, Z-скому предводителю дворянства. Пошел!

– Помилуйте, Митрофан Александрович, что вы делаете? Пархоменко ведь все мы знаем. Он здешний уроженец, успокойтесь! – останавливал его Григорий Дмитриевич.

– Слышать ничего не хочу, – возразил Масоедов, в бешенстве расхаживая по комнате, – я знаю только, что он Ксенофонт. как его?... да!.. Ксенофонт Петров Долгополов.

– Ты? – обратился он вопросительно к Пархоменко.

– Никак нет-с.

– Ну, это мы увидим.

– Случается, – вступился Григорий Дмитриевич, – что бывают поразительные сходства физиономий... Я узнал...

– Что вы мне говорите, – горячо перебил его Масоедов, – у меня ястребиные глаза. Если я раз увижу человека, то помню его рожу всю жизнь. а то я не узнаю Ксенофонта, который служил у меня десять лет в Петербурге. Он вор!.. Он украл у меня десять тысяч. Его всюду разыскивали и не могли найти.

Григорий Дмитриевич было недоверчиво взглянул на Пархоменко, но тот пожал плечами и отрицательно покачал головою, так что Перецепин не знал, что и думать о своем племяннике.

– Я вам докажу, – кипятился разгорячившийся Митрофан Александрович, – что это самозванец. Вот я его сейчас проэкзаменую, шельму. Ты в котором году поступил, говоришь, на службу?

– Собственно, ваше высококорodie, я поступил в тринадцатом году, сначала в M-ское земское ополчение, но эта служба у меня, не знаю по какому случаю, пропала. Вероятно, был не занесен в списки; потом меня в 181* году перевели в N-ский гусарский, и с этого времени пошла моя настоящая служба.

– При вступлении в Париж к какому корпусу был причислен ваш полк?

– Ко второму-с, ваше высококорodie.

---

¹⁴ Городничий – начальник города.

– Кто был корпусным командиром?

– Граф Алексей Петрович Н., дивизионным – генерал-адъютант фон П., а полковым – генерал-майор С-ов.

– Верно, каналья, – заметил сквозь зубы Масоедов. – Ты ранен?

– Никак нет-с.

– В 1832-34 году не знал ли ты в N-ском гусарском полку офицера, князя Панфилова?

– Как же, я ихнего эскадрона. Ноне они изволят быть в отставке и в позапрошлом году соблаговолили заочно воспринимать от святого крещения у меня второго сына. Я знал, – добавил Пархоменко, – всех офицеров нашего полка до 1835 года, а с некоторыми Бог привел видеться уже после отставки.

– Все это может быть, – перебил его Митрофан Александрович, – но я тебе докажу, что я не ошибаюсь: ты – мой бывший камердинер Ксенофонт Долгополов, – вор и ныне самозванец... Иначе, после этого, я не полковник Масоедов.

Б-ский городничий, отставной пехотный подпоручик Бобанов, явившийся по приглашению, хотя не видел достаточных данных к арестованию знакомого ему вахмистра Пархоменко, но, будучи человеком из простого звания, малограмотным, занимавшим свою должность из милости, побоялся влияния и богатства полковника Масоедова, и Пархоменко был арестован. В тот же день к Z-скому губернатору посланы были две эстафеты: одна – от городничего, с донесением о происшествии, другая – от Масоедова, в которой он просил участия губернатора в этом деле, производства строжайшего следствия и назначения для этого особо распорядительного чиновника, а также о перемещении Пархоменко из-под ареста при городской полиции под строгий караул в местный тюремный замок.

Закипело дело, взволновавшее всю губернию. Все были убеждены, что полковник обознался, и с нетерпением ждали, чем все кончится. Одни злорадствовали, другие сожалели о Масоедове, а третьи переносили это сожаление на Пархоменко, опасаясь, что бедный человек может безвинно просидеть несколько лет в тюрьме, а затем дело затушат безо всяких последствий для Масоедова.

Глава третья

В главных чертах объявление, поданное полковником Масоедовым, которым он начал свое преследование против Пархоменко, заключалось в следующем: в 1823 году, по смерти отца его, генерал-лейтенанта Александра Константиновича Масоедова, ему досталось в наследство имение в Т-ской губернии Варваровка; между крестьянами числился Ксенофонт Петров Долгополов, которого он взял к себе в услужение лакеем. В продолжение первых десяти лет службы своей Ксенофонт Долгополов отличался безукоризненным поведением, расторопностью и честностью; за такие качества Митрофан Масоедов, в то время поручик гвардии, приблизил его к себе на должность камердинера, и Долгополов пользовался безграничным доверием своего господина: на его руках находились все наличные Масоедова деньги и все имущество; но на десятый год, именно с половины 1834 года, Долгополов переменился, стал пить, позволять себе грубить и вести предосудительный образ жизни.

Видя эту перемену, Масоедов принял против Долгополова некоторые меры взыскания, которые, однако же, не привели ни к чему; тогда Масоедов задумал было удалить его от себя и сослать в деревню на полевые работы. Это намерение было очень хорошо известно Долгополову, а потому он, чтобы не понести заслуженного им наказания, решился бежать, захватив с собою шкатулку Масоедова с десятью тысячами наличных денег и с ценными вещами на сумму приблизительно тысяч шесть или семь, несколько перемен белья и платья.

Преступление это совершено было Долгополовым вечером семнадцатого апреля 1835 года. Он воспользовался отлучкою Масоедова шестнадцатого апреля из Петербурга в Гатчину, по делам службы, на несколько дней, который отдал ему приказание явиться к нему в этот город с некоторыми вещами двадцатого числа. Долгополов объявил прочей прислуге, что будто бы барин приказал ему выехать в Гатчину не двадцатого, а на другой день, то есть семнадцатого апреля. Он преспокойно и в виду прислуги взял шкатулку и вещи, связал все это в узел, попрощался со всеми и вышел из квартиры Масоедова, сказав, что он на улице наймет себе извозчика до станции.

Не дождавшись своего камердинера в Гатчине двадцатого числа, Масоедов двадцать первого послал нарочного¹⁵ в Петербург узнать о причине этого и получил известие, что Долгополов еще семнадцатого числа отправился к нему с вещами и шкатулкой...

Таким образом, только через четыре дня, и то первоначально в форме предположения, было узнано о побеге Долгополова; вследствие этого, несмотря на самые строжайшие розыски со стороны полиции и Масоедова и повсеместные публикации по России с описанием примет беглеца, Долгополов не был отыскан и сумел скрываться до настоящего времени.

«Ныне же, – заявляет Масоедов, – двадцать девятого июня 1852 года, он узнан мною в лице проживающего в Б. под именем отставного гусарского вахмистра Степана Максимовича Пархоменко. В том же, что именуемый себя Пархоменком есть действительно крестьянин Ксенофонт Долгополов, я обязуюсь представить, не позже полутора месяцев, свидетелей, оставшихся еще в живых, которым лично известен Долгополов, для дачи им очных ставок. Прошу вытребовать из Санкт-Петербургского губернского правления дело „О побеге и краже денег и вещей у штабс-ротмистра гвардии Митрофана Александровича Масоедова крепостным его человеком Ксенофонтом Петровым Долгополовым“, начатое в 1835 году».

Пархоменко показывал о себе, что он из государственных крестьян слободы Петропавловки, родился семнадцатого августа 1796 года и крещен священником Б-ской Воздвиженской церкви, отцом Николаем Богоявленским, который жив в настоящее время и по прибытии его, Пархоменко, в Петропавловку узнал черты его лица, так как отец Николай Богоявленский

---

¹⁵ Нарочный – посланник с каким-либо специальным поручением; гонец, курьер.

знал Пархоменко мальчиком и напутствовал при поступлении в ополчение. Отец и мать Пархоменко умерли, когда он находился в военной службе; около тридцати лет назад две сестры его также умерли до возвращения его на родину, но есть дальние родственники и сотоварищи детства, которые узнали его и могут подтвердить под присягою, что он именно Пархоменко, родившийся в Петропавловке, а не кто-либо другой. Таких лиц Пархоменко представил в числе двенадцати человек и припоминал им, при очных ставках, некоторые свои и их детские шалости и проделки. Свидетели единогласно подтвердили слова его и признали его за Степана Максимовича Пархоменко. Наконец, о службе своей в N-ском гусарском полку, кроме указа об отставке, Пархоменко представил различные записки и письма, адресованные к нему его прежними сослуживцами как до отставки, так и по выходе в нее, и, в числе прочих, письма своего бывшего эскадронного командира, ныне отставного генерал-майора, князя Памфилова.

Но все эти доказательства не смущали полковника Масоедова, и он продолжал упорно уверять, что Пархоменко – крестьянин Ксенофонт Петров Долгополов. Однако и он увидел, что уличить Пархоменко в самозванстве какими-либо документами нет никакой возможности, а далее беспокоился, что едва ли и самые очные ставки Пархоменко с его свидетелями, которые знали Ксенофонта Долгополова, могут привести его к удовлетворительному результату, ввиду несомненно твердого заpiresательства Пархоменко и присяги свидетелей противной стороны. Словом, дело стало принимать весьма дурной оборот для Масоедова...

Глава четвертая

В шести или семи верстах от губернского города Т*, по большой дороге на Москву, лежит помещичье имение Варваровка, с тремя тысячами душ жителей, малороссиян, замечательное по своему красивому и привлекательному местоположению. Особенно хороша Варваровка в летнее время и весной, когда распускаются деревья и из-за зелени скромно и вместе с тем как-то кокетливо выглядывают маленькие беленькие крестьянские домики. Посредине Варваровки лежит обширный парк, окруженный каменного оградой и примыкающий к быстрой и светлой реке Торопце, омывающей Варваровку. Из-за ограды внутри парка ныне виднеются среди зелени развалины какого-то огромного нежилого здания с претензиями на готический стиль, в своем роде очень красивого и по своей огромности, сравнительно с другими зданиями в Варваровке, даже величественного. Здание это некогда было господским домом. От ворот в ограде со львами и прочими атрибутами до парадного подъезда в доме шла густая тополевая аллея, усыпанная желтым песком.

Варваровка еще в царствование Елизаветы Петровны¹⁶ принадлежала уже дворянскому роду Масоедовых, довольно древнему в России, но несколько раз она переходила в другие руки и вновь случайно возвращалась к ним обратно. Так, например, в царствование Екатерины Великой¹⁷, в 1770 году, Варваровка принадлежала премьер-майору Стогонову, доставшись ему в приданое за его женою, Варварой Константиновной, урожденною Масоедовой, но как у Стогоновых не осталось в живых детей, то после смерти Варвары Константиновны Стогоновой, в 1810 г., Варваровка перешла во владение к брату ее, Александру Константиновичу Масоедову, а потом, по наследству, к сыну его, Митрофану Александровичу.

Варвара Константиновна вышла за пятидесятилетнего неопрятного старика, премьер-майора Стогонова, четырнадцати лет, по воле своих родителей, без собственного согласия, о котором, впрочем, ее никто и не спрашивал, и, разумеется, без всякой любви. Поэтому не было ничего удивительного в том, что это замужество не принесло счастья Варваре Константиновне. Явных семейных раздоров и ссор между супругами не было, и Варвара Константиновна всегда была верна мужу, но, несмотря на свой мягкий и скромный характер, она часто жаловалась близким подругам и родным на старчески ворчливый характер своего мужа и признавалась, что он ей противен.

Наружностью Стогонова несколько не походила на своих подруг, помещиц того времени. Вследствие раннего замужества или других причин, она осталась на всю жизнь недоразвитою физически: с узенькими, как у девочек, плечиками и грудью и тощими ручками; но, при всем этом, физиономия ее была очень красива и симпатична. Более всего в физиономии ее обращали на себя внимание темно-голубые глаза, в которых отражалось много добродушия, тонкий носик и черные густые волосы, спадавшие на лоб природными фестонами¹⁸. Несмотря на ее красоту, в Москве, где она жила со своим мужем, как-то на нее никто не обращал внимания.

В характере Варвары Константиновны было также много детского и романтического. Она любила уединение: часто по целым ночам просиживала у окна, а иногда, украдкой, на крыльце, любуясь на звезды и месяц; посещая деревню поздно вечером, уходила в ближайший лес, в чащу, пугалась там, предаваясь страхам, и чувствовала в то же время самые приятные ощущения, мечтала о монастыре, о жизни отшельниц и была страстная охотница слушать рассказы с трагическим, мелодраматическим или фантастическим содержанием.

---

¹⁶ Елизавета Петровна (1709–1761) – императрица всероссийская в 1741–1761 гг.

¹⁷ Екатерина II Алексеевна (1729–1796) – императрица всероссийская в 1762–1796 гг.

¹⁸ Фестоны – округлые или зубчатые выступы.

Детей у Варвары Константиновны от брака со Стогоновым был только один сын Павел, родившийся, когда ей самой было шестнадцать лет, чрезвычайно слабым и хилым ребенком. Овдовев на двадцать восьмом году в Москве, Стогонова, схоронив мужа, не приняла предложение своего отца перейти на житье к нему в дом и переселилась вместе со своим сыном в Варваровку, уже давно привлекавшую ее к себе своим красивым местоположением. Деревенский воздух подействовал на здоровье Павлуши весьма благотворно; мальчик окреп, сделался бодрым и веселым и в одно утро объявил неожиданно матери, что он хочет учиться.

Желание сына как нельзя более совпадало с собственным желанием Варвары Константиновны. Павлуша не был посвящен до этого времени в азбучную премудрость лишь вследствие болезненного своего состояния, но Стогонова все-таки была удивлена его заявлением и спросила его, кто внушил ему эту мысль.

Оказалось, что Павлуша познакомился со своими сверстниками, детьми варваринского священника, отца Василия, которые пребойко читают Псалтирь¹⁹; чтению же этому их научил какой-то Сергей Михайлович, семинарист²⁰, живущий в доме отца Василия и ищущий дьячковского места. Обрадованная Варвара Константиновна в тот же день вечером послала за священником посоветоваться с ним и уполномочила его переговорить с семинаристом и условиться с ним о цене за его – труды. Дело уладилось за два серебряных рубля в месяц.

Павлуше была куплена азбука, и чрез несколько дней, по отслужении молебна, он уже сидел за столом и, качаясь на стуле с закрытыми глазами, звонким голосом затягивал: «Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть; аз, буки, веди, глаголь, добро, есть...»²¹ Около него на кончике стула неловко помещался высокий худощавый молодой человек лет двадцати двух, в неуклюжих сапожищах и в черном длиннополом коленкором причетническом кафтане²², который он беспрестанно запахивал, держа руки скрещенными около пояса. Загорелое от солнца лицо его было покрыто ярким румянцем и каплями пота, частью от жары, бывшей в тот день, а частью от смущения: в комнате, где происходило учение, присутствовала за каким-то занятием и Варвара Константиновна, а молодому человеку до того времени не случалось бывать в женском обществе, при такой еще, по его взгляду, аристократической обстановке. Смущение его еще более увеличивалось тем обстоятельством, что всякий раз, как он подымал глаза свои, они постоянно встречались с глазами молодой помещицы.

Физиономия семинариста действительно обратила на себя особое внимание Варвары Константиновны по одному странному сходству. Ей показалось лицо его давно знакомым, как будто бы она где-то видела его и любовалась и этим белым открытым лбом, обрамленным вьющимися белокурыми волосами, упавшими на плечи изящными локонами, и этими небесно-голубыми глазами, абрисом²³ правильного носика, небольшими усиками и овальной раздвоенной пушистой бородкой. Семинарист был красавец, но Варвара Константиновна кроме физической красоты находила в выражении лица молодого человека что-то божественное... «Ангел. Архангел.» – промелькнуло у нее в голове, и вдруг она вспомнила виденный ею в Петропавловском соборе в Петербурге, на боковых дверях, при входе в алтарь, образ архангела Гавриила.

В самом деле, сходство учителя ее сына с этим изображением, пред которым, как художница в душе, Стогонова неоднократно останавливалась с благоговением в созерцании красоты, было поразительнейшее! Сердце молодой женщины, при виде воплотившегося оригинала изображения, помимо ее воли учащенное забилось и затосковало... Утомленная потоком

---

¹⁹ Псалтирь – Одна из книг Ветхого Завета, включающая псалмы царя Давида. В сельской и церковной среде во 2-й пол. XIX в. использовалась как учебное пособие при обучении чтению.

²⁰ Семинарист – выпускник семинарии – среднего духовного учебного заведения.

²¹ Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть – названия первых букв церковнославянского алфавита.

²² Причетнический кафтан – старинная мужская долгополая верхняя одежда причетников. Причетник – младший член церковного причта (псаломщик, дьячок, пономарь).

²³ Абрис – контур, очертание.

нахлынувшего к ней чувства, взволнованная, с ослабевшими нервами, Варвара Константиновна вышла из комнаты и пошла было к себе в спальню, но через минуту, не находя и там себе покоя, она ушла в сад, забралась в тень чащи деревьев и села на землю, обхватив горячую голову. Ей было безотчетно тяжело: мысли как бы остановились, сплелись, и душа чего-то жаждала. Она чувствовала, что полюбила. Отняв руки от лица, Стогонова стала смотреть на окружающее и прислушиваться. Дул легкий ветер, листья деревьев тихо шумели и вели между собою задушевную беседу; цветы и трава как бы лобызались, наклоняясь друг к другу; солнце жгло; воздух был пропитан раздражающим ароматом плодовых деревьев: яблони, груши, вишни и маслянистого ясеня; вокруг ползали и копошились букашки, порхали бабочки; в одном месте свистнул соловей, в другом закуковала кукушка, чирикали и гонялись за своими подругами пыльные воробьи. Но все это, чем прежде любовалась и развлекалась Варвара Константиновна, теперь вызвало у нее горячие, неудержимые слезы.

Сергей Михайлович, по фамилии Смирницкий, был сын пономаря соседней с Варваровкою деревни, человека крайне бедного, обремененного многочисленным семейством и имевшего несчастную страсть к крепким напиткам. Сергей родился первенцем, имел большое сходство в лице с чертами матери, очень красивой женщины, и, по этому случаю, был ее любимцем. Матери жалко было расстаться со своим Сережей, и она долгое время упрашивала своего мужа не отсылать его в бурсу²⁴, через что он поступил в это заведение довольно поздно, на четырнадцатом году, но зато, будучи подготовлен своим отцом, поступил прямо во второй класс, миновав первый, служивший как бы приговорительным.

Прасковья Нифонтовна, мать Сережи, была смиренная, добрая женщина, с мягким сердцем, и хорошая хозяйка. В селе все ее прозвали «чистюлею» за то, что изба ее была всегда затейливо обмазана, пол был усыпан песком, печь узорно выкрашена, стеклянная и медная посуда блестели; детей своих Прасковья Нифонтовна беспрестанно полоскала, зимою и летом, и водила их хоть и бедно, часто в очень ветхих рубашечках, но зато всегда чисто вымытых и аккуратно причесанных. К чистоплотности у дьячихи²⁵ была особая привязанность с раннего детства. Кроме того, она строго наблюдала за своими детьми. Удаляла их от всего дурного, от общества чересчур резких мальчиков, стыдила за малейший проступок и заставляла держать себя чинно: не пачкаться в грязи, не кувыряться, не лазить по плетням и деревьям и т. п. От этого дети ее были несколько вялы, но лишены грубых хваток, капризов и имели нежные облагороженные личики; так что, когда Сережа поступил в бурсу, он представлял собою резкий контраст со своими товарищами, большинство которых в его года пило уже водку, совершало кражи и другие подвиги, отличалось распущенностью и великим мастерством изобретать страшнейшие ругательства, от которых стыдливого Сережу бросало в краску.

Счастливые условия, при которых протекло детство Сережи Смирницкого, не покинули его и во время пребывания в бурсе: вопреки основательным ожиданиям матери, он прибыл к ней чрез шесть лет, по окончании курса, при переходе в семинарию, в класс словесности, не испорченным в нравственном отношении.

Воспитываясь в бурсе, Смирницкий жил у своей тетки Екатерины Нифонтовны Архирзумовской, вдовы-дьяконицы²⁶, родной сестры его матери. Всех их было три сестры: Ирина, Екатерина и Прасковья; они были дочери священника Т-ского собора, отца Нифонта Ижевхерувимского, оставшиеся в детстве круглыми сиротами. Отец Нифонт Ижевхерувимский умер, когда старшей дочери было восемь лет, средней – пять, а младшей – всего два года; мать умерла спустя пять лет после смерти мужа.

---

²⁴ Бурса – духовное учебное заведение, в данном случае – духовное училище.

²⁵ Дьячиха – жена дьячка, низшего церковного служителя, не имеющего степени священства.

²⁶ Дьяконица – жена дьякона, священнослужителя, имеющего первую степень священства и помогающего священнику при совершении церковной службы.

Старшая, Ирина, была нехороша собою, но вследствие того, что по распоряжению местного архиерея за нею все время до достижения ею полного совершеннолетия числился приход²⁷ ее отца и назначенный священник был только временным, а затем был переведен в другой приход, – она вышла замуж за священника же и через четыре года умерла. Екатерина прихода не имела и вышла замуж за дьякона, а Прасковья, которую совершеннолетие застало в крайней бедности, принуждена была выйти за причетника.

Дьяконица Екатерина Нифонтовна Архиразумовская, состоявшая в городе Т. просвирнею²⁸ при одной из приходских церквей, обладала такими же свойствами характера, как и сестра ее Прасковья: имела такое же доброе сердце и вела странную уединенную жизнь, посвящая ее богоугодным делам и постоянному чтению Священного Писания. Не имея собственных детей (Архиразумовская была бездетна) и приняв на свое попечение племянника, Екатерина Нифонтовна полюбила его, как родного сына, и берегла его нравственность, как зеницу ока. Живя недалеко от бурсы, она пускала племянника в классы лишь при самом начале лекций, чтобы он менее находился в кругу «сорванцов», как она называла обыкновенно его товарищей, и в назначенные часы выхода из бурсы или наблюдала из окон, или встречала его за воротами. Знакомых и друзей она выбирала ему сама, и без спроса племянник ни на минуту не мог выйти из дома. В свободное от уроков время она давала ему какие-либо занятия по дому, а по вечерам заставляла его читать что-нибудь ей, преимущественно из Четьи-Минеи²⁹ жития святых отцов.

Не развлекаемый ничем посторонним, Сергей Смирницкий оказывал в бурсе и в классе словесности в семинарии хорошие успехи в науках и видел в перспективе священническое место; но обстоятельства воспрепятствовали сбыться его надеждам. Во время учения Сергея семейство дьячка Михаила Смирницкого достигло до таких ужасающих размеров, что он решительно был не в состоянии прокормить его и впал в вопиющую бедность. Поэтому он решил просить сына оставить свое учение и приискать себе место, чтобы быть подспорьем младшим своим братьям и сестрам, которых у него было: первых – восемь, а вторых – шесть душ.

Сергей тотчас же беспрекословно согласился, но мать его, дьячиха Прасковья Нифонтовна, долго протестовала против этого и помирилась только на том, что Сережа будет не причетником, а дьяконом, имея на это некоторые права, как ученик уже семинарии; впоследствии она надеялась видеть его и священником. Получение дьяконовского места сопряжено было с хлопотами, и хотя просвирня Екатерина Архиразумовская, приложив все свои старания и по несколько часов валяясь в ногах у архиерея, выпросила у него обещание дать ее племяннику сан дьякона, но с условием *sine qua non*³⁰ жениться на бедной сироте из духовного звания. По несчастью, виденные злополучным женихом сироты-невесты были так некрасивы и уродливы, что Сергей Смирницкий, при всем душевном желании быть полезным своему семейству поскорее, не мог ни одну из них избрать себе в подруги жизни, что и заставило его на некоторое время принять приглашение соседнего варваринского священника, поселиться у него в доме в качестве учителя детей его за небольшое вознаграждение, а впоследствии и принять предложение помещицы Стогоновой.

Маленький Павлуша страстно привязался к своему учителю, ревел благим матом, когда тот уходил из их дома, настойчиво просил мать, чтобы Сергей Михайлович жил у них. Варвара Константиновна как-то колебалась сделать такое предложение молодому человеку, но потом уступила просьбам сына, и Смирницкий поселился в одном доме с нею. Ему была отведена

---

²⁷ Приход – церковь с причтом и содержащая их церковная община.

²⁸ Просвирня – женщина, занимавшаяся выпечкой просвир – белых хлебцев особой формы, употребляемых в православном богослужении.

²⁹ Четьи-Минеи – книги, содержащие жития святых, изложенные в порядке дней празднования их памяти по православному церковному календарю, на все дни года.

³⁰ Обязательно (лат.).

небольшая комната, находившаяся не в далеком расстоянии от спальни ее и Павлуши. Сергей Михайлович ежедневно проводил в обществе молодой вдовы по нескольку часов; они вместе пили чай, обедали и ужинали, но, несмотря на все эти благоприятные для сближения обстоятельства, молодые люди как бы чуждались друг друга, вследствие робости и застенчивости их характеров. Сама Варвара Константиновна была неразговорчива от природы, а Смирницкий на все ее вопросы отвечал, весь краснея от лба до подбородка и потупляя глаза в землю, лишь: «да-с», «нет-с», «очень хорошо-с», «покорно благодарю-с» и т. п. В продолжение целого месяца он едва ли сказал ей два или три слова посторонних. А между тем Варвара Константиновна была для него целый мир и наполняла собою все существо молодого человека. Он думал о ней с утра до вечера, грезил ею ночью, волновался при ее приближении, шорохе платья или звуке голоса. Малейшее случайное прикосновение к ней повергало всего его в электрическую, нервную дрожь.

Однажды ночью над Варваровкой разразилась сильнейшая гроза, сопровождавшаяся оглушительными ударами и раскатами грома. В господском доме воцарились необычайные страх и смятение. Варвара Константиновна, окружающие ее женщины и, в особенности, Павлуша страшно боялись грозы. Все они столпились в спальне Стогоновой, затеплили лампы, позажигали страстные свечи и при каждом блеске молнии и раскатах грома шептали: «Да воскреснет Бог», – но гроза не уменьшалась. Опасность изменяет обычные условия житейских приличий, и Смирницкий был также приглашен в спальню Стогоновой, как мужчина, следовательно – храбрец, не боящийся грозы, тем более что присутствия его требовал Павлуша. На обязанности Смирницкого лежало ободрить испуганных женщин. Поэтому он сначала застенчиво успокаивал их словами, что, дескать, «это ничего», «не беспокойтесь», «Бог даст – пройдет», потом попытался было рассказать им, по крайне запутанному объяснению своего учителя, непонятное ему самому происхождение молнии и грома, но когда на первых же словах он был ославлен, почти как богоотступник, потому что все окружающие Стогонову, да отчасти и сама она, приписывали гром Божьему гневу на людей и поездке Ильи пророка на огненной колеснице, тогда Сергей Михайлович предложил чтение Евангелия.

Предложение это было всеми одобрено.

Смирницкий был прекрасный, выразительный чтец, владел звучным и приятным голосом, который производил сильное впечатление на слушателей; особенно действие его отразилось на Варваре Константиновне, которая слушала его, не спуская глаз с чтеца и забыв свой страх. Гроза между тем постепенно стихала. С прекращением ее кончилось и чтение.

После минования опасности люди становятся как-то особенно болтливы и веселы, спеша передать пережитые ими во время ее ощущения. Варвара Константиновна стала передавать Смирницкому, как она увидела приближение грозы, тот, со своей стороны, рассказал ей, как однажды в его глазах молния зажгла ветряную мельницу, и разговор завязался. Это был первый шаг сближения.

На другой день, встретясь за утренним чаем, молодые люди были гораздо разговорчивее и развязнее в обращении друг с другом, чем до этого. Возобновив разговор на прежнюю тему о вчерашней грозе, Варвара Константиновна предложила затем Смирницкому поехать после обеда с нею и с Павлушей в поле, посмотреть, в каком оно находится состоянии.

С поля они заехали в лес. Здесь Варвара Константиновна под влиянием внутреннего волнения открыла Смирницкому, какое впечатление производит на нее природа и ее явления. Смирницкий слушал и находил отголоски в самом себе. Вкусы молодых людей были одинаковы. Сергей Михайлович был также мечтатель, а добытые им в семинарии в большом количестве романы Сталь³¹ и, в особенности, Коцебу³², которые он приобрел даже в свою собствен-

³¹ Анна Луиза Жермена де Сталь – французская писательница, в ее романах героини в конфликте с установленными нормами деятельно отстаивают право женщины на свободу чувств и мнений.

ность и перечитывал ежедневно, развили в нем склонность к сентиментальности. Вскоре книги эти были перенесены из комнаты Смирницкого в апартаменты Варвары Константиновны, и по вечерам происходило чтение, беспрестанно прерываемое Варварою Константиновною восклицаниями удивления, догадками, что будет с героем или героинею, выражениями сочувствия к их всегда злополучной судьбе, опасениями за их участь (хотя все знали, что добродетель в конце непременно восторжествует, а порок будет наказан), отвращениями к тиранам, гонителям и притеснителям.

Чтение всегда сопровождалось храпом двух женщин, постоянно присутствовавших в комнате: ключницы³³ Елизаветы и Митродоры, няньки Павлуши, помещавшихся в углу с чулками в руках и обыкновенно засыпавших на чтении второй или третьей страницы, – да сопением сладко спавшего на диване Павлуши. Варвара Константиновна была одушевленная слушательница: ее щеки горели лихорадочным румянцем, глаза блестели или наполнялись, при патетических местах, слезами, в словах, обращенных к Смирницкому, стали проглядывать, с каждым днем все более и более, фамильярность и нежность.

Стогонова полюбила без размышлений, не заглядывая в будущее, и готова была предаться вся пожиравшей ее страсти. Смирницкому любовь, напротив, приносила одни страдания: он тоже любил впервые, горячо и сильно, но разницу состояний и общественного положения считал непреодолимым препятствием к тому, чтобы когда-либо назвать любимую им женщину своею...

Отец и мать Смирницкого хотя были очень довольны сыном, отдававшим им свое жалование полным числом, и хотя, кроме того, Стогонова беспрестанно помогала им в хозяйстве хлебом и разною провизиею, но они все-таки смотрели на занимаемое сыном их место как на временное и неоднократно высказывали ему желание – видеть его поскорее женатым и диаконом.

Смирницкий становился все задумчивее и грустнее и наконец, не видя исхода, в один день решил покинуть навсегда Варваровку.

Был поздний осенний вечер. Случилось так, что Стогонова и Смирницкий находились в комнате одни, без свидетелей. Она полулежала на диване, он прохаживался по комнате. С переселением в господский дом Смирницкий изменил свой костюм и оделся в черную суконную пару, шитую деревенским портным, но с претензиями на моду того времени.

– Варвара Константиновна, – начал молодой человек разбитым голосом, останавливаясь перед нею, я все собираюсь сказать вам, да не смею.

– Что такое? – тревожно спросила Стогонова, с сильно забившимся от предчувствия чего-то нового сердцем.

– По воле родителей, – робко продолжал Смирницкий, – я должен буду на днях уехать в Т*, искать себе место.

– Как? Следовательно, вы меня оставляете? – почти вскричала Варвара Константиновна, приподымаясь с дивана.

– Да-с.

– Неужели? Милый мой, голубчик! Не покидай меня! – и, заливаясь слезами, Стогонова обвила руками шею молодого человека. – Разве ты меня не любишь? Я не могу жить без тебя... Архангел мой...

– Видит Бог, Варвара Константиновна, – проговорил Смирницкий, покрывая руки ее поцелуями, – что и я под.

– Нет. Слушать ничего не хочу. Я не отпущу тебя, будь что будет! – возразила Стогонова.

---

³² Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (1761–1819) – немецкий писатель, автор сентиментальных и мелодраматических пьес и романов.

³³ Ключница – прислуга в частном доме, в ведении которой находились продовольственные запасы и ключи от мест их хранения.

И Смирницкий остался в Варваровке.

Слух о близких отношениях помещицы Стогоновой к дьячковскому сыну пошел по всему околотку³⁴, а вслед за тем разнеслась еще скандальная весть, что будто бы Варвара Константиновна даже выходит замуж за этого пономаря.

---

³⁴ Околоток – окрестность.

Глава пятая

В продолжение двух-трех месяцев, отгоняя от себя мрачные мысли о будущем, Смирницкий и Стогонова были очень счастливы, но одно печальное обстоятельство изменило мирное течение их жизни.

Зимой, на рождественских праздниках, катаясь в санях, Павлуша простудился, заболел и умер. Пребывание после этого Смирницкого в доме Стогоновой сделалось неуместным и предосудительным. Разлука, казалось, сделалась неизбежна, но Варвара Константиновна решилась преодолеть все препятствия. Она торжественно объявила своим домашним, что выходит замуж; пригласила священника и обручилась со Смирницким.

Но браку этому не суждено было состояться. Новое замужество Варвары Константиновны, оставшейся бездетной, само собою разумеется, не могло быть выгодным, а чрез это и приятным брату ее Александру Константиновичу – прямому наследнику после ее смерти, а такой неравный брак, сверх того, еще компрометировал все семейство Масоедовых. Бешенство Александра Константиновича, когда он узнал о намерении своей сестры, не имело пределов. Он немедленно же отправился к Стогоновой в Варваровку, в надежде убедить и урезонить сестру отказаться от такого скандального брака, но все советы и увещания его оказались тщетными; тогда в уме Масоедова созрел другой план действий, который удался как нельзя лучше. Он отправился в Т*, переговорил с архиереем, и Смирницкий был вытребован в этот город духовной консисторией³⁵, а затем за предосудительное поведение был сдан в солдаты. Все это в настоящее время может казаться невероятным, но я прошу не забывать, что рассказываю «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой»³⁶...

Дальнейшая судьба Сергея Михайловича Смирницкого неизвестна. Слухи о нем были весьма различны: одни говорили, что он убит в каком-то сражении, другие – что, поступив в военную службу, он спился с круга, что-то наделал и кончил жизнь свою под ударами шпиритенов³⁷.

Разлученная со Смирницким, Варвара Константиновна прожила еще около девяти лет, никуда не выезжая из Варваровки, в совершенном отчуждении от своих прежних знакомых и родных. Единственным утешением ее был родившийся у нее от Смирницкого сын, по имени Ксенофонт, хорошенький белокурый мальчик, на котором Стогонова сосредоточила всю свою любовь и материнскую заботливость. Малейшее дуновение ветерка на Ксенофонта приводило Варвару Константиновну в трепет: как бы сын ее не простудился и не заболел. Всякое слово ребенка было для нее законом. Мальчик был смышлен и резв. На седьмом году Стогонова начала уже учить его грамоте, для чего был приглашен сам отец Василий, и Ксенофонт оказывал успехи: восьми лет он читал довольно бойко и красиво и писал по двум линейкам.

При всей простоте своей, Варвара Константиновна хорошо понимала разницу в общественном положении между своим умершим законнорожденным сыном Павлушею и этим несчастным и знала, что только образование могло вывести ее любимца в люди и предоставить ему благородное звание. С этой целью Стогонова собиралась переселиться в Москву, чтобы Ксенофонт там мог учиться на ее глазах. К поездке все было уже готово, как вдруг холера мгновенно пресекла дни Варвары Константиновны. Она умерла в несколько часов, не успев составить духовного завещания и сделать распоряжения о своем сыне.

Варваровка досталась, как я сказал уже выше, брату Стогоновой, Александру Константиновичу Масоедову. Первым распоряжением нового владельца было выгнать Ксенофонта из

---

³⁵ Консистория – административное и судебное учреждение при епархиальном архиерее.

³⁶ Из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина.

³⁷ Шпиритены – длинные гибкие прутья, которыми били провинившихся солдат, прогоняя их сквозь строй.

господского дома, надеть на него свитку³⁸ и сослать в пастухи. Мальчик был приписан в сказку³⁹ к одной крестьянской семье под именем Ксенофонта, по крестному отцу Петрова, с фамилией Долгополов, – вероятно, как намек на происхождение отца мальчика. Дело говорит само за себя. Несчастному избалованному ребенку крайне тяжело было переносить новую обстановку, в которую бросила его злая судьба, и в детском возрасте он вынес много нравственных пыток, стыда и унижения.

Но человек удивительно переносливое животное. Через несколько лет в грубом, загорелом, высокого роста крестьянском парне невозможно было узнать изнеженного сына Варвары Константиновны, хотя все-таки Ксенофонт Долгополов весьма резко выделялся из среды своих сверстников-односельцев. Приобретенное им в детстве знание грамоты и изредка чтение книг, добываемых у дьячков и пономарей, предохранило его язык от особо тяжелых местных провинциализмов; остались в голове некоторые понятия, усвоенные в счастливый период его жизни, которые были выше разума простого крестьянина, а также внешняя сторона, то есть манеры, походка и прочее.

Управляющий имением, видя развитость и смышленность Долгополова, хотел неоднократно перевести его для письменных работ на службу в вотчинное правление, но, из боязни гнева владельца, оставлял его при господских стадах, давая особые поручения, которые делали его выше других, простых пастухов.

Крутой переворот, сразу грянувший на мальчика, гонения, испытанные им в то время, от одних – ради угоды барину, от других – из мести, по злему сердцу или по зависти к его прежнему благоденствию, оскорбления от товарищей и безродность положили печать на характер Долгополова. Из Ксенофонта образовался человек отчасти хитрый, скрытный, сосредоточенный, всего удаляющийся и крепко берегущий свою собственную шкуру. Ксенофонт Долгополов никак не мог забыть своего происхождения и детской обстановки...

Украдкую, по ночам, он посещал могилу матери, часто с грустью посматривал на окна господского дома, и из глаз его струились горькие слезы. Неизвестно, зрела ли в голове Долгополова какая-либо сокровенная мысль, но только он чутко прислушивался к малейшей молве об ожидавшейся крестьянами свободе и, когда ему исполнилось девятнадцать лет – обычная пора для брака в среде крестьян, – он долго уклонялся от этого и умолял управляющего, ваяясь у него в ногах, оставить его холостым, потому что он чувствует сильное отвращение к брачной жизни. Управляющий был человек не без сердца, сожалел о положении Долгополова и тронулся его мольбами.

Двадцати четырех лет Ксенофонт Долгополов суждено было пережить третью эпоху в своей жизни. Владелец и гонитель, а вместе с тем и дядя его, Александр Константинович умер, и Варваровка досталась сыну его, Митрофану Александровичу Масоедову, с которым мы познакомились в предыдущих главах. Митрофан Александрович в то время был всего двадцати пяти лет, поручик гвардии, почти сверстник Долгополова, смотревший на людей и их отношения друг к другу, если дело не касалось лично его персоны, слишком легким взглядом. Тетки своей Варвары Константиновны Стогоновой Митрофан Александрович никогда не видал, но биография ее ему поверхностно была известна; он также слышал, что от любви тетки его к семинаристу у нее остался сын, числившийся в крестьянах его отца по имени Варваровке, но он не видел в этом ничего неестественного и считал дело это в порядке вещей, может, потому, что подобные примеры в то время бывали сплошь и рядом. Мне даже кажется, что, случись увлечение с самим Митрофаном Александровичем с какой-либо из своих крестьянок, он так же точно бы отнесся равнодушно и к судьбе своего родного сына. Но он вовсе был далек от мысли, по примеру отца, теснить Долгополова: напротив, если бы кто посторонний или сам

---

³⁸ Свитка – длинная верхняя одежда из домотканого сукна.

³⁹ Сказка – именной список населения России, составившийся в XVIII – первой половине XIX в. во время ревизий.

Ксенофонт обратился к нему с ходатайством дать ему отпускную, Митрофан Александрович очень легко, может быть, выдал бы ее. Масоедов приехал в Варваровку на самое короткое время из простого любопытства – взглянуть на свое новое имение, в котором он до того не был, но смерть одного из его лакеев задержала его на несколько дней, и Митрофану Александровичу пришла фантазия пополнить свой штат тотчас же из среды новых своих крестьян.

– Пожалуйста, – обратился он к управляющему имением, – приищите как можно поскорее человека, знаете, этак порасторопнее, в годах умершего моего лакея, лет двадцати двух-трех, скромного, хотя немного грамотного, и при этом нельзя ли неженатого... Я не люблю разрознивать семейства.

Положение управляющего было очень затруднительное: единственный человек, который бы соответствовал всем требованиям Масоедова, был в Варваровке Ксенофонт Петров Долгополов, но предложить его, не зная взгляда на этот предмет Митрофана Александровича, он колебался.

– Что же? Неужели нет? – спросил с досадою Масоедов. – Непременно найдите!

– Есть, но... он в пастухах.

– Зачем же вы держите в пастухах грамотного человека?

– Сослан он-с еще мальчиком по десятому году. Это была воля вашего покойного родителя, после смерти Варвары Константиновны. Он у нас приписной к ревизской сказке пастуха Петра.

– Гм. Как его зовут?

– Ксенофонт Петров Долгополов.

– А кроме его другого никого нет?

– Я не знаю-с. Все либо люди женатые, либо неграмотные, либо олухи. А этот скромн, грамоте знает и холостой.

– Ну, в таком случае пришлите его. Я думаю, ему у меня будет лучше служить, чем в пастухах.

Этим рассуждением решилаась участь Долгополова. Его немедленно нарядили в костюм умершего лакея, в вычурный, вышитый шнурками казакин, и представили помещику. Масоедов остался доволен, и через несколько дней Долгополов укатил со своим барином из Варваровки в Петербург.

Глава шестая

Около шести лет Митрофан Александрович, казалось, будто бы не обращал никакого внимания на службу своего нового лакея Ксенофонта Долгополова, несмотря на его аккуратность, услужливость, честность и расторопность, при самом безукоризненном поведении.

За это время при Масоедове сменилось несколько камердинеров, и Долгополов всякий раз рассчитывал занять эту должность, но Митрофан Александрович почему-то все отстранял его и только на седьмой год удостоил таким повышением; зато с этих пор доверие Масоедова к Ксенофонту стало безгранично, и он никогда не контролировал выдаваемых ему на расходы денег.

Житье Долгополова было, само собою разумеется, несравненно лучше житья его в Варваровке, особенно когда он сделался камердинером. Дела у Масоедова было очень мало, при том его по целым дням, с утра до вечера, никогда не было дома; для черных работ Ксенофонт имел у себя несколько подручных лакеев, так что, сделав утром необходимые распоряжения, он до глубокой ночи оставался свободным и мог всегда совершенно безнаказанно отлучиться из дома, тем более что на его ответственности лежали все заботы по хозяйству, а потому на случай внезапного приезда, не в урочное время, Масоедова в квартиру всегда был законный предлог к отсутствию. В материальном отношении Ксенофонт был также хорошо обеспечен: имея, по своему званию, довольно хорошую, в две комнаты, квартиру, стол, конечно барский, много платья и белья, поступавшего к нему частью с господских плеч, золотые часы, кольца и, кроме находившихся у него постоянно на руках господских денег, из которых, впрочем, он почти не делал экономии в собственную пользу, еще небольшой личный капиталец, так как Масоедов платил ему по десяти рублей в месяц жалованья и несколько раз в год делал денежные подарки, иногда до двадцати пяти рублей. Ксенофонт почитывал книжки, газеты, курил хорошие сигары, хаживал в театр и имел свой круг знакомых... Словом сказать, житью Ксенофонта у Масоедова завидовало очень много лакеев, камердинеров и других лиц, но Ксенофонт всегда грустно отвечал на это известною песенкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.